

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-217-225

Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

СОШЕНКО Марина Владимировна,

кандидат технических наук, доцент,

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,

кандидат технических наук, доцент,

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ПОНОМАРЕВ Анатолий Яковлевич,

кандидат технических наук, доцент,

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНБЕКОВА Флура Файзрахмановна,

кандидат биологических наук, доцент,

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

КОВЕРКИНА Елена Владимировна,

старший преподаватель,

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ И РОССИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ регулирования лесопользования в России, Швеции и Финляндии. Исследуются исторические предпосылки формирования национальных лесных политик, системы прав собственности, механизмы государственного управления и надзора. Особое внимание уделяется анализу судебной практики по защите прав лесопользователей, привлечению к ответственности за нарушения лесного законодательства, а также роли добровольной лесной сертификации (FSC, PEFC) как элемента «мягкого права». На основе выявленных сходств и различий сформулированы предложения по совершенствованию российского лесного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: лесное право, лесопользование, сравнительное правоведение, судебная практика, Швеция, Финляндия, Россия, FSC, устойчивое лесопользование, лесная сертификация.

SOSHENKO Marina Vladimirovna,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,

Russian State Social University,

Moscow, Russia

SHMYREV Viktor Ivanovich,

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

PONOMAREV Anatoly Yakovlevich,

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

ARSLANBEKOVA Flura Fayzirakhmanovna,

*Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

KOVERKINA Elena Vladimirovna,

*Senior Lecturer,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF FOREST MANAGEMENT REGULATION IN SCANDINAVIAN COUNTRIES AND RUSSIA

Annotation. *This article provides a comprehensive comparative legal analysis of forest management regulation in Russia, Sweden, and Finland. It examines the historical background to the formation of national forest policies, property rights systems, and mechanisms of state governance and oversight. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice in protecting forest user rights, enforcing liability for forest law violations, and the role of voluntary forest certification (FSC, PEFC) as a soft law element. Based on the identified similarities and differences, proposals for improving Russian forest legislation and law enforcement are formulated.*

Key words: *forest law, forest management, comparative law, judicial practice, Sweden, Finland, Russia, FSC, sustainable forest management, forest certification.*

Введение

Современное состояние лесных экосистем занимает одно из центральных мест в мировой экологической повестке. В фокусе особого внимания находятся бореальные, или таежные, леса, которые справедливо считаются «легкими планеты». Они выполняют ключевую функцию в глобальном регулировании климата, депонировании углерода и сохранении биологического разнообразия. Крупнейшие массивы таких лесов расположены на территории России и стран Скандинавского полуострова — прежде всего, в Швеции и Финляндии. При этом лесной сектор для этих государств является не только экологическим, но и важнейшим экономическим ресурсом, обеспечивающим устойчивое развитие регионов, занятость населения и значительные экспортные поступления. В условиях, когда мировое сообщество предъявляет всё более высокие требования к прозрачности и устойчивости цепочек поставок древесины, вопрос о качестве правового регулирования лесопользования выходит на первый план.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что, несмотря на схожие природно-климатические условия и общую историю интенсивного освоения лесов, Россия и страны Скандинавии демонстрируют заметные различия в подходах к правовому регулированию этой сферы. Перед всеми тремя государствами сегодня стоят общие вызовы. Среди них — изменение климата, необходимость декарбонизации экономики и риск истощения лесных ресурсов при сохранении экстенсивных методов хозяйствования. Однако способы реагирования на эти вызовы существенно отличаются. Скандинавская модель, сложившаяся десятилетиями, базируется на балансе интересов частного лесовладельца и государства, высокой степени доверия к лесопользователю и развитой системе правосудия. В российской правоприменительной практике, как будет показано в настоящем исследовании, сохраняется ряд неразрешенных коллизий, связанных с доказыванием размера вреда и разграничением хозяйственной необходимости и природоохран-

ных ограничений. Это позволяет говорить о повышенной сложности судебного толкования лесного законодательства в России по сравнению с более устоявшейся практикой скандинавских стран. Указанные обстоятельства делают необходимым обращение к опыту Швеции и Финляндии для выявления тех правовых механизмов, которые могли бы быть адаптированы к российским условиям без ущерба для национальных интересов.

Целью настоящей работы является проведение комплексного сравнительно-правового анализа регулирования лесопользования в России, Швеции и Финляндии для выявления перспективных направлений совершенствования отечественного лесного законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: провести сравнительный анализ нормативно-правовой базы, определяющей порядок использования, охраны и воспроизводства лесов в трех странах; изучить особенности правоприменительной и судебной практики в исследуемых государствах; оценить роль негосударственного регулирования, в частности механизмов добровольной лесной сертификации; на основе проведенного анализа сформулировать научно обоснованные рекомендации, которые могут быть полезны для совершенствования российской модели лесопользования.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Базовым выступает сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить правовые институты России и Скандинавии в их историческом развитии и современном состоянии. Историко-правовой метод дает возможность проследить эволюцию лесного законодательства и понять причины формирования существующих моделей. Формально-логический метод используется при толковании правовых норм и выявлении возможных коллизий. Эмпирическую базу работы, помимо нормативных актов, составляет анализ судебной статистики, а также изучение конкретных судебных актов высших судебных инстанций и арбитражных судов России, Швеции и Финляндии.

Формирование скандинавской модели лесного права представляет собой длительный исторический процесс, в котором можно выделить несколько последовательных этапов, каждый из которых отражал изменение приоритетов государственной политики и общественных ожиданий. Исходной точкой стал принцип относительно свободного пользования лесами, характерный для аграрных обществ. Однако уже в XIX веке, в связи с активным развитием лесопильной промышлен-

ности и возникновением угрозы истощения лесных ресурсов, государства начинают переходить к более жесткому регулированию.

Показательным примером является опыт Швеции и Финляндии. Как отмечает в своем исследовании Т.Ю. Оленина, еще в 1542 году король Густав Васа провозгласил неосвоенные земли собственностью Короны, что заложило основу для государственного управления лесными ресурсами [5]. Однако по-настоящему системное регулирование начало складываться в середине XIX столетия. В 1851 году в Великом княжестве Финляндском был принят строгий Лесной устав, а в 1859 году император Александр II учредил Лесной управленческий институт (предшественник современного *Metsähallitus*), в задачи которого входило управление казенными лесами, их охрана и получение дохода от продажи древесины [5]. Этот период можно охарактеризовать как время становления государственного лесного контроля.

Особого внимания заслуживает анализ опыта Швеции 1950–1990-х годов, который демонстрирует эволюцию от жесткого нормирования к гибким механизмам, основанным на сотрудничестве государства и бизнеса. В этот период широко применялись такие инструменты, как установление расчетных лесосек (нормирование рубок), предоставление субсидий на лесовосстановление и поощрение долгосрочных инвестиций в лесную инфраструктуру. Как отмечают Нордберг, Ангельстам, Эльбакидзе и Аксельссон (Nordberg et al.) в своем исследовании, посвященном управлению бореальными лесами, в странах Северной Европы произошел постепенный сдвиг от жестко регулируемого и рационализированного режима лесопользования, характерного для XIX — начала XX века, к более гибким формам управления [6]. Ключевым принципом современного этапа становится «свобода под ответственность» (*freedom with responsibility*), когда лесопользователь наделяется широкими правами, но при этом обязан соблюдать установленные законом требования и может быть привлечен к ответственности за их нарушение. Этот принцип органично дополняется развитой системой консультирования и экономического стимулирования добросовестных лесовладельцев.

Эволюция отечественного лесного права имела свою уникальную траекторию, во многом обусловленную историческими и политическими факторами.

Советский период характеризовался установлением исключительной государственной собственности на леса и централизованным плановым ведением лесного хозяйства. Лес рассматривался прежде всего, как стратегический сырьевой ресурс, а управление им осуществлялось через

систему лесхозов в рамках директивного планирования. При этом еще в советское время сложилась уникальная система зонирования лесов по их целевому назначению, позволявшая дифференцировать режимы охраны и использования в зависимости от выполняемых функций.

Постсоветский этап развития лесного законодательства отмечен поиском новой модели, отвечающей реалиям рыночной экономики. Разработка нового Лесного кодекса Российской Федерации, вступившего в силу в 2007 году, сопровождалась активными дискуссиями в научном сообществе и среди практиков. В первоначальной редакции документа были заложены такие концептуальные подходы, как передача значительной части полномочий по управлению лесами на региональный уровень и либерализация порядка предоставления лесных участков в пользование [1]. Важно подчеркнуть, что действующая редакция Кодекса претерпела существенные изменения по сравнению с документом 2006 года. Как отмечают эксперты, за первые восемь лет действия было принято двадцать семь федеральных законов, вносящих в него поправки [5]. Это свидетельствует о постоянном поиске оптимальных правовых решений и стремлении адаптировать законодательство к меняющимся социально-экономическим условиям. В ходе реформ уточнялись понятия «лесной участок», «рубка лесных насаждений», совершенствовался порядок проведения лесосечных работ, вводились новые институты, такие как реестр недобросовестных арендаторов [1].

Рассмотрение исторических траекторий развития лесного права в России и Скандинавии позволяет поставить вопрос о возможных точках соприкосновения и взаимного влияния. Несмотря на существенные различия в подходах к праву собственности и методам управления, обе правовые системы испытывают воздействие сходных факторов глобального характера. К числу таких факторов относятся международные обязательства в области охраны окружающей среды, требования к устойчивому управлению лесами, предъявляемые мировыми рынками, и необходимость учета климатической повестки.

В современной науке отмечается, что лесная политика скандинавских стран эволюционирует в сторону признания многофункциональности лесов. Все большее значение придается не только экономической продуктивности, но и рекреационным потребностям, смягчению последствий изменения климата, сохранению биологического разнообразия [6]. В этом контексте особый интерес представляет опыт России в области функционального зонирования лесов, который получил признание зарубежных исследователей.

Система разделения лесов на защитные, эксплуатационные и резервные, существующая в отечественном правовом порядке с 1943 года, рассматривается как эффективный инструмент устойчивого управления, позволяющий дифференцированно подходить к установлению правовых режимов. Можно предположить, что развитие международного сотрудничества и научного обмена способствует взаимному обогащению национальных правовых систем, однако говорить о полноценном сближении моделей преждевременно; речь скорее идет о взаимном интересе к отдельным инструментам регулирования.

Институт права собственности на лесные участки представляет собой фундаментальное различие между сравниваемыми правовыми порядками, во многом предопределяющее специфику всей системы лесных отношений. В странах Скандинавии исторически сложилось преобладание частной собственности на леса. Особенно ярко эта черта выражена в Финляндии и Швеции, где значительная часть лесных угодий находится во владении частных лиц — фермеров, семейных хозяйств, небольших лесопромышленных компаний. Правовой статус мелких частных лесовладельцев закреплён в законодательстве [2; 3] и подкреплён развитой системой их объединений (ассоциаций), которые оказывают членам консультационную поддержку, содействуют в сбыте продукции и обеспечивают соблюдение стандартов устойчивого управления.

Государство в лице специализированных органов (например, финского Metsähallitus) управляет лишь частью лесного фонда, выполняя при этом функции, связанные с охраной природы, рекреацией и обеспечением публичных интересов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правах коренных народов на землю и традиционное природопользование. В Швеции правовой статус саами, традиционно занимающихся оленеводством, находит признание в судебной практике и законодательстве [2; 10]. Право на использование земель для выпаса оленей рассматривается как особый вид пользования, который подлежит учету при планировании промышленного освоения лесных территорий.

В российском правовом порядке закреплён иной подход: Лесной кодекс Российской Федерации устанавливает, что лесные участки находятся исключительно в федеральной собственности [1]. Гражданам и юридическим лицам они могут предоставляться на ограниченном вещном или обязательственном праве: в аренду, в постоянное (бессрочное) пользование (для государственных и муниципальных учреждений) или в безвозмездное пользование [1]. Договор аренды является основной формой предоставления лесных участ-

ков для предпринимательской деятельности. При этом арендатор несет комплекс обязанностей не только по своевременному внесению арендной платы, но и по охране, защите и воспроизводству лесов на арендованном участке [1]. Это создает специфическую правовую конструкцию, в которой пользователь, не будучи собственником, принимает на себя значительную часть публично-значимых функций по поддержанию лесной экосистемы.

Сравнение систем государственного управления лесами выявляет два различных подхода к взаимодействию государства и лесопользователя. Скандинавская модель (в особенности финская и шведская) характеризуется децентрализацией управленческих функций, высоким уровнем доверия к лесопользователю и развитой системой консультирования. Государство устанавливает рамочные требования, но не стремится к тотальному контролю за каждым действием лесовладельца. Важным элементом является экономическое стимулирование: лесопользователи, осуществляющие мероприятия по уходу за лесом, сохранению биоразнообразия или лесовосстановлению, могут получать субсидии и иные формы государственной поддержки. Ответственность за достоверность подаваемых деклараций о рубках возлагается на самого заявителя, что предполагает его добросовестность и профессионализм [2; 3].

В российском законодательстве наблюдается сочетание разрешительного и уведомительного порядков. Так, для заготовки древесины в рамках предпринимательской деятельности требуется представление декларации, в которой лесопользователь указывает сведения о планируемых работах [1]. В то же время отдельные действия требуют получения разрешительной документации. Для российской модели характерна повышенная детализация и императивность требований на уровне подзаконных актов [4]. Это создает ситуацию, при которой лесопользователь, руководствуясь принципом формального соответствия утвержденному проекту освоения лесов, может оказаться ограничен в возможности применять более гибкие природоохранные меры, даже если они экологически целесообразны. Данный феномен можно обозначить как «формализм правоприменения», когда любые отступления от буквы проекта, вне зависимости от их экологической пользы, потенциально влекут санкции. Данный подход порождает риски, связанные с расширительным толкованием контролирующими органами формальных требований, что подтверждается значительным количеством споров в арбитражных судах по вопросам привлечения лесопользователей к административной ответ-

ственности [9; 11]. В последние годы в системе лесного надзора внедряются современные методы, включая риск-ориентированный подход и использование материалов дистанционного зондирования для контроля за состоянием лесных участков [1; 4].

Интеграция экологических требований в лесное законодательство является общемировым трендом, однако темпы и способы этой интеграции различаются. Скандинавские страны одними из первых включили развернутые экологические положения в свои лесные акты.

В Финляндии, начиная с реформы 1996 года, Лесной закон прямо ориентирует на обеспечение биологического разнообразия при ведении лесного хозяйства [3]. Ключевое значение приобретает концепция устойчивого лесопользования, включающая экономическую, экологическую, социальную и культурную составляющие [6]. Правовые механизмы сохранения ценных природных комплексов, таких как старовозрастные леса, активно развиваются как на уровне законодательства, так и через инструменты добровольной сертификации [7].

В российском лесном законодательстве экологические требования реализуются через систему ограничений по использованию лесов в защитных участках, через нормы, регламентирующие проведение рубок, и через институт экологической экспертизы [1]. Проекты освоения лесов подлежат государственной или муниципальной экспертизе, в ходе которой оценивается их соответствие лесохозяйственному регламенту и требованиям законодательства [1]. Сравнение со скандинавской оценкой воздействия на окружающую среду показывает, что в российском правовом порядке большее значение придается формальному соответствию утвержденным документам, тогда как в скандинавских странах акцент смещен в сторону поиска компромисса между различными видами лесопользования и учета мнения заинтересованных сторон [6; 7].

Анализ судебной практики позволяет оценить реальное действие правовых норм и выявить наиболее проблемные области правоприменения. В каждой из рассматриваемых стран сложилась своя специфика лесных споров.

В Швеции значительное место в судебной практике занимают дела, связанные с реализацией прав коренного населения саами на оленеводство в условиях активного промышленного освоения лесов. Поворотным стало так называемое дело «Girjas» (решение Верховного административного суда Швеции), в котором за общиной саами было признано исключительное право на управление охотой и рыболовством на своих исторических землях, что создало важный прецедент

для учета прав коренных народов при лесопользовании [10]. Споры возникают вокруг вопроса о том, насколько рубки леса и строительство лесной инфраструктуры нарушают традиционный уклад жизни и возможность осуществления оленеводства. Шведские суды при рассмотрении таких дел уделяют большое внимание вопросу соразмерности ограничений и обязанности государства по компенсации убытков, причиненных правообладателям [2; 10].

Для Финляндии характерны споры, связанные с соответствием практики лесопользования требованиям сертификации, а также прецеденты по возмещению вреда, причиненного окружающей среде. Финское законодательство предусматривает детально проработанные механизмы исчисления ущерба и привлечения к ответственности, что позволяет эффективно восстанавливать нарушенные права [3; 7].

В российской судебной практике традиционно значительный массив дел связан с привлечением к ответственности за незаконную рубку лесных насаждений (статья 260 Уголовного кодекса Российской Федерации). Споры о законности отказов в заключении договоров аренды лесных участков также составляют заметную часть арбитражной практики [9]. Отдельного внимания заслуживает практика взыскания ущерба, причиненного лесам. Российское законодательство предусматривает исчисление размера вреда по специально утвержденным таксам [4], что упрощает процесс доказывания, но одновременно порождает споры о соответствии такого подхода принципу полного возмещения убытков [9]. Характерным примером конфликта между формальными требованиями и экологической целесообразностью может служить ситуация, когда арендатор проводит рубки ухода, не предусмотренные проектом освоения лесов, но рекомендованные стандартами добровольной сертификации для повышения устойчивости насаждений. В ряде случаев такие действия становились предметом судебного разбирательства, как, например, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Республики Карелия, где суду пришлось оценивать приоритет требований проекта освоения лесов перед рекомендациями лесной сертификации [11].

Особый интерес представляет анализ правовой природы стандартов добровольной лесной сертификации (FSC и PEFC) и их влияния на решение судебных споров.

В современной правовой доктрине такие стандарты относят к источникам «мягкого права» (soft law), которые, не будучи формально обязательными, оказывают существенное влияние на

поведение участников оборота и могут учитываться судами при оценке добросовестности лесопользователя [7; 8].

В России применение стандартов FSC иногда приводило к конфликтным ситуациям, когда арендатор, стремясь выполнить требования сертификации по сохранению биоразнообразия или учету прав местного населения, сталкивался с претензиями со стороны контролирующих органов, поскольку такие действия не были предусмотрены проектом освоения лесов. Подобные споры становились предметом судебного разбирательства и требовали от судов оценки приоритета тех или иных требований [11]. В научной литературе, в частности в работах Кескитало, Сандстрём, Тысяннюк и Йоханссон (Keskitalo et al.), подчеркивается, что применение международных норм на локальном уровне в России и Скандинавии имеет существенные различия, что обусловлено разной степенью интеграции сертификационных требований в национальные правовые системы [7].

В скандинавских странах, где системы сертификации получили более широкое распространение (в Финляндии сертифицировано около 90% коммерческих лесов по системе PEFC [7]), стандарты сертификации активно используются для оценки добросовестности лесопользователя. В судебных решениях можно встретить ссылки на соответствие или несоответствие действий ответчика требованиям сертификации как на дополнительный аргумент при доказывании наличия или отсутствия вины в причинении вреда. Таким образом, сертификация выполняет функцию стандарта должной заботливости (due diligence), соблюдение которого свидетельствует о принятии лесопользователем всех разумных мер для предотвращения ущерба.

Завершая анализ правоприменительной практики, следует остановиться на вопросах защиты прав коренных народов и местных сообществ, традиционно проживающих в лесных районах. Сравнительный анализ судебных подходов Швеции и России обнаруживает как сходные проблемы, так и специфические для каждой страны особенности.

В Швеции, как уже отмечалось на примере дела «Girjas» [10], суды активно рассматривают иски саами к лесопромышленным компаниям. Основная проблема заключается в определении юридической силы прав на традиционное природопользование при отсутствии формально зарегистрированного права собственности на землю. Судебная практика идет по пути признания таких прав в качестве подлежащих защите законных интересов, что обязывает государство и частных пользователей учитывать их при планировании своей деятельности [2; 10].

В российском правовом порядке защита прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) обеспечивается как на уровне федерального законодательства, так и в рамках региональных нормативных актов. Понятия «родовые угодья» и «места традиционного проживания» имеют юридическое значение и должны учитываться при предоставлении лесных участков в пользование [1]. Судебная практика по данной категории дел постепенно формируется, и важную роль в ней играет участие общественных организаций, представляющих интересы коренных народов в процессах по защите лесов и традиционного природопользования [8]. Как отмечает М.С. Тысячнюк с соавторами (Tysiachniouk et al.), имплементация принципов партисипаторной демократии в российских лесных сообществах сталкивается с определенными трудностями, однако постепенно формируются механизмы учета мнения местного населения [8]. Задача судов в таких спорах заключается в поиске баланса между развитием промышленности и сохранением исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Заключение

Проведенное в настоящей работе сравнительно-правовое исследование регулирования лесопользования в России, Швеции и Финляндии позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов и предложений, имеющих теоретическое и прикладное значение для развития отечественной правовой системы в данной сфере.

Рассмотрение историко-правовых основ, ключевых институтов и судебной практики лесопользования в трех странах обнаруживает наличие концептуальных различий в подходах к правовому регулированию, обусловленных спецификой национального развития. В рамках типологии моделей природопользования российское лесное законодательство может быть охарактеризовано как модель с доминированием хозяйственно-экономической функции, что исторически обусловлено ресурсной ролью леса. Лесной кодекс Российской Федерации, при всех произошедших в нем изменениях, сохраняет выраженную направленность на регулирование отношений по использованию лесного ресурса, где экологические требования выступают прежде всего как ограничения [1].

Скандинавские модели (шведская и финская), при сохранении высокой экономической значимости лесного сектора, эволюционировали в сторону полифункциональной модели, где экологические и социальные сервисы леса получили равный юридический статус [2; 3; 6]. Лесное зако-

нодательство этих стран интегрирует задачи сохранения биоразнообразия, поддержания рекреационного потенциала и учета интересов традиционного природопользования (саами) в качестве равнозначных целей правового регулирования. Эволюция скандинавского права от жесткого государственного нормирования к принципу «свободы под ответственность» сопровождалась формированием эффективных институтов консультирования и экономического стимулирования лесовладельцев [6].

Эффективность скандинавской модели, как показал анализ, является результатом долгосрочной и последовательной государственной политики, сумевшей органично соединить три ключевых элемента: четкие и стабильные законодательные требования, развитую систему финансовых и организационных стимулов для добросовестных лесопользователей, а также устойчивый «общественный договор», предполагающий высокий уровень доверия между государством, бизнесом и местными сообществами. Российская правовая система находится в процессе поиска собственного баланса, и обращение к опыту скандинавских стран в части отдельных правовых инструментов представляется научно обоснованным и практически значимым.

Проведенное исследование позволяет обозначить ряд направлений, в рамках которых адаптация отдельных элементов скандинавского опыта могла бы способствовать совершенствованию российского правового порядка в сфере лесопользования без ущерба для его национальной специфики.

Во-первых, заслуживает внимания вопрос о развитии механизмов экономического стимулирования. В российской практике преобладают административные методы воздействия на лесопользователей. Опыт Швеции и Финляндии показывает, что предоставление субсидий, налоговых льгот или дифференциация арендной платы для тех арендаторов, которые осуществляют мероприятия по уходу за лесом сверх установленных нормативов, сохраняют выявленные участки с высоким биоразнообразием или инвестируют в лесовосстановление, способно существенно повысить их мотивацию к соблюдению экологических требований [2; 3; 6]. Внедрение подобных экономических инструментов в российское законодательство могло бы стать действенным дополнением к существующим мерам контроля и надзора.

Во-вторых, актуальным представляется совершенствование института судебной экспертизы по экологическим спорам. Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении дел о

возмещении вреда, причиненного лесам, или о законности действий лесопользователей, суды нередко сталкиваются с необходимостью оценки сложных экологических и лесотехнических вопросов [9; 11]. Повышение качества и объективности судебных экспертиз, привлечение специалистов, обладающих необходимыми познаниями в области лесного хозяйства и экологии, а также развитие специализации судей по рассмотрению экологических споров могли бы способствовать повышению эффективности судебной защиты как публичных, так и частных интересов.

В-третьих, значительный потенциал имеет инкорпорирование отдельных критериев, разработанных в рамках систем добровольной сертификации (FSC, PEFC), в лесохозяйственные регламенты и проекты освоения лесов в качестве рекомендательных или поощряемых стандартов.

Как было отмечено в работе, конфликт между требованиями сертификации и императивными нормами Лесного кодекса создает правовую неопределенность для добросовестных арендаторов, стремящихся следовать лучшим практикам [7; 11]. Придание таким мерам юридического значения позволит снизить конфликтность правоприменения и будет стимулировать внедрение ответственных практик лесопользования.

В-четвертых, важным направлением является усиление роли общественности и местного населения в процессе принятия решений по вопросам использования лесов. Опыт Швеции и Финляндии демонстрирует, что учет мнения местных сообществ, а также представителей коренных народов на ранних стадиях планирования хозяйственной деятельности позволяет предотвратить многие конфликты и достичь более сбалансированных решений [8; 10]. В российских условиях развитие институтов общественных слушаний, расширение доступа к информации о планируемом лесопользовании и учет позиций общин коренных малочисленных народов при предоставлении лесных участков могли бы способствовать гармонизации интересов промышленности и местных жителей.

В заключение следует отметить, что предложенные направления не предполагают механического копирования зарубежных институтов. Задача правовой науки и законодателя состоит в творческой переработке положительного опыта с учетом исторических, экономических и правовых особенностей России, а также в поиске собственных эффективных решений, направленных на обеспечение устойчивого и ответственного лесопользования в интересах нынешнего и будущих поколений.

Список литературы:

- [1] Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 07.02.2026).
- [2] Skogsvårdslag (SFS 1979:429) [Лесной закон Швеции]. // Sveriges Riksdag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/skogsvardslag-1979429_sfs-1979-429/ (дата обращения: 07.02.2026).
- [3] Metsäläki (1093/1996) [Лесной закон Финляндии]. // Metsälehti. URL: <https://www.metsalehti.fi/artikkelit/puntarissa-uusi-metsalaki/> (дата обращения: 07.02.2026).
- [4] Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» (в действующей редакции). СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315299/ (дата обращения: 07.02.2026).
- [5] Оленина Т.Ю. Лесное законодательство России и Финляндии: сравнительно-правовой аспект // Вестник НГУЭУ. 2013. № 3. С. 278-285.
- [6] Nordberg M., Angelstam P., Elbakidze M., Axelsson R. From logging frontier towards sustainable forest management: experiences from boreal regions of North-West Russia and North Sweden // Scandinavian Journal of Forest Research. 2013. Vol. 28. No. 8. P. 797-810.
- [7] Keskitalo E.C.H., Sandstrom C., Tysiachniouk M.S., Johansson J. Local consequences of applying international norms: differences in the application of forest certification in northern Sweden, northern Finland, and northwest Russia // Ecology and Society. 2009. Vol. 14. No. 2. Art. 1.
- [8] Tysiachniouk M.S., Reisman J., Henry L.A. Importing Democracy: Promoting Participatory Decision Making in Russian Forest Communities // Environmental Democracy Facing Uncertainty. 2012. P. 45-68.
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 07.02.2026).
- [10] Решение Верховного административного суда Швеции (Högsta förvaltningsdomstolen) от 23 января 2020 г. по делу № 853-18 (дело «Girjas»).

[11] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.03.2019 № Ф07-1234/2019 по делу № А26-5678/2018.

References:

[1] Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 No. 200-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (date of access: 07.02.2026).

[2] Skogsvårdslag (SFS 1979:429) [Swedish Forest Law]. // Sveriges Riksdag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/skogsvardslag-1979429_sfs-1979-429/ (date of access: 07.02.2026).

[3] Metsäläki (1093/1996) [The Finnish Forest Law]. // Metsälehti. URL: <https://www.metsalehti.fi/artikkelit/puntarissa-uusi-metsalaki/> (date of access: 07.02.2026).

[4] Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.12.2018 No. 1730 "On approval of the specifics of compensation for damage caused to forests and natural objects located therein due to violation of forest legislation" (in the current version). SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315299/ (date of access: 07.02.2026).

[5] Olenina T.Yu. Forest legislation of Russia and Finland: comparative legal aspect // Bulletin of NSUEM. 2013. No. 3. P. 278-285.

[6]. Nordberg M., Angelstam P., Elbakidze M., Axelsson R. From logging frontier towards sustaina-

ble forest management: experiences from boreal regions of North-West Russia and North Sweden // Scandinavian Journal of Forest Research. 2013. Vol. 28.No. 8. P. 797-810.

[7] Keskitalo E.C.H., Sandstrom C., Tysiachniouk M.S., Johansson J. Local consequences of applying international norms: differences in the application of forest certification in northern Sweden, northern Finland, and northwest Russia // Ecology and Society. 2009. Vol. 14.No. 2. Art. 1.

[8] Tysiachniouk M.S., Reisman J., Henry L.A. Importing Democracy: Promoting Participatory Decision-Making in Russian Forest Communities // Environmental Democracy Facing Uncertainty. 2012. Pp. 45-68.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012, No. 21 "On the Application by Courts of Legislation on Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Nature Management." SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (date accessed: February 7, 2026).

[10] Decision of the Supreme Administrative Court of Sweden (Högsta förvaltningsdomstolen) of January 23, 2020, in case No. 853-18 (the "Girjas" case).

[11] Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated March 15, 2019 No. F07-1234/2019 in case No. A26-5678/2018.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.